

* * *

В три часа ночи мозг пытался до кого-то дозвониться,
посылал гудки...

Линия была перегружена,
автоответчик больше не диктовал стихи.

Лампочками АТС светили звезды.
Оператор никак не мог соединить.
Ночь безвылазна, ночь промозгла,
поперек и вдоль невозможно прожить.

Абонент доступен, но не для всех.
Голова – телефонная будка, переговорный пункт.
Наберите хотя бы телеграфный текст,
без предлогов и точек: «Проведи меня даже сквозь бунт».

* * *

Запах земли и воска,
не дозвониться в набат.
Все, что есть, – отголосок:
старый заброшенный сад.

Где-то в забытых записях
адрес, где был твой дом,
голос сладкий, на зависть,
только не вспомнить... кто?

Нож, колокольчик, монета.
Лета больше не будет.
Путая ниточку следа,
кто заблудился в людях?

* * *

Монахом-схимником дерево после пожара
стоит и молится в пустоте,
и вся вода больше не отражает
ни этой боли, ни святости в черноте,

и долетают только обрывки, словно
вокруг оглохло все, что слышать могло,
и истлевает молящийся скорбно,
и серый дым – как душа из него...

* * *

Мы теряем людей из виду,
все чужое однажды станет твоим,
и душа растрепанной книгой,
истлевая, рождает дым.

Перебирая пальцами в темноте
воображаемые клавиши:
эти не те и эти – не те,
чтобы мелодия стала тающей,

таящей спокойствие и простоту,
разучившейся совсем тревожиться,
словно кто-то узнал судьбу,
но не станет впредь осторожней.

* * *

Ржавый металл – память,
музыка мне чужда,
больше не сможет ранить.
Кафельная чешуя

кухонь, рыбы глаза окон,
желтых листьев ракушки,
брось поскорей в огонь.
Рыбье нутро бездушно,

душный аквариум стен,
город тебя задушит
проводом своих вен,
если не будешь послушен
музыке его сфер.

* * *

Чиркаешь, надтреснуло огниво.
Из обрывков облаков,
запаха ласкающего дыма
выкроить немного слов.

Спеть их всем деревьям на отшибе
и звенящей на ветру цепи,
и тоскою золотой и лживой
(золотом фальшивым)
спрятать рыжий камень у груди.

Не ходи знакомою дорогой,
не ищи того, что потерял,
для тебя осталась вся тревога
В каплях дождевых зеркал.

* * *

Бессмертие – странная вещь,
я стала тем, чем ты перестал быть.
В топком бархате белых плеч
вена вьется – тонкая нить.

Или это не вена, струна?
Чуть-чуть дернешь – и выльется ток,
заливая, как светом луна,
стены, пол, окно, потолок.

Если легкость твою перенять,
что останется вместо нее?
И воды почерневшая гладь,
отражая тебя, обретает ли имя твое?

* * *

Рукописи не горят, они тлеют
горой пожелтевших бумаг –
и не склеить.

На зубах, как песок, скрипят,
лишь по ветру осталось развеять.

Научиться все забывать,
ни во что больше не верить,
ничьей речи не прерывать,
а свою потерять, словно берег.